

ЛЪСНОЙ ЖУРНАЛъ

ИЗД. ЛЪСНОГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕТРОГРАДЬ

63(05)

л-50

жк 16111

Вып. 1.

Dr. Alexander Karrasch
in Memoriam

I. Дмитрій Михайлович Кравчинський.

Біографіческий очеркъ.

Дмитрій Михайлович Кравчинський родился 10 ноября 1857 года въ селѣ Абрамовкѣ, Херсонской губернії. Отець его, Михаилъ Фаддеевицъ, былъ военнымъ врачомъ сначала военныхъ поселеній, по-тому киевскаго гусарскаго полка и, къ концу жизни,—казеннаго госпиталя, въ гор. Славянскѣ, где и умеръ въ 1865 году.

Михаилъ Фаддеевицъ окончилъ Петербургскую военно-медицинскую академію; происхождениемъ былъ белорусъ, изъ Витебской губерніи; по службѣ получилъ потомственное дворянство.

Дѣдъ Дмитрія Михайловича принадлежалъ къ низшему уніатскому духовенству.

Мать Дмитрія Михайловича—Любовь Яковлевна, изъ южнаго дворянскаго рода, Левинскихъ, вышла замужъ за Михаила Фаддеевича очень молодой—16-ти лѣтъ и была на 20 лѣтъ моложе мужа. Дѣтей у Кравчинскихъ было четверо: старшая дочь, Анна Михайловна, обладала выдающимися способностями, отлично училась и окончила институтъ первой ученицей съ большимъ шифромъ. Умерла молодой, лѣтъ 30-ти, заразившись чахоткой отъ мужа; за нею былъ Василий Михайловичъ, болѣзnenный и рано умершій юноша; затѣмъ известный народоволецъ Сергій Михайловичъ «Степнякъ»—и, наконецъ, нашъ лѣсоводъ, Дмитрій Михайловичъ, бывшій на семь лѣтъ моложе брата, Сергія.

Любовь Яковлевна, по своему времени, была вполнѣ образованной женщиной и рѣдкой души человѣкомъ. Хорошо владѣла французскимъ языкомъ, очень складно писала и была начитана. Оставшись послѣ мужа молодою и красивою вдовою, Любовь Яковлевна не вышла вторично замужъ, а вела совершенно уединенную жизнь на вдовью пенсію сначала съ Дмитріемъ, а потомъ съ внучками—дочерьми Анны Михайловны, всецѣло посвятивъ свою жизнь образованію и воспитанію дѣтей и внучекъ.

Умерла Любовь Яковлевна въ 1887 году.

Отъ нея-то унаследовалъ и пріобрѣгъ воспитаніемъ Дмитрій Михайловичъ любовь къ членію, къ порядку, къ жизни по средствамъ и тѣ душевныя качества, которыя заставляютъ всѣхъ знакомыхъ и друзей его прибавлять въ разговорѣ о немъ и даже въ печати къ имени и отчеству эпитетъ «милый».

Пошлиемъ же душевный привѣтъ нашъ, свѣтлой памяти этой славной женщины!

Такимъ образомъ мы видимъ, что семья Кравчинскихъ была на рѣдкость даровитая, начиная, очевидно, съ Михаила Фаддеевича, сумѣвшаго выбиться изъ бѣдной белорусской семьи причетника на широкое поле служенія родинѣ интеллигентнымъ трудомъ.

Аннѣ Михайловнѣ, какъ женщинѣ, въ то время не было места для общественнаго примѣненія своей даровитости.

Интеллектъ Сергея Михайловича—«Степняка»—всѣмъ известенъ.

Жизненное же дѣло Дмитрія Михайловича—на глазахъ у всѣхъ насть, старыхъ и молодыхъ лѣсничихъ.

Дѣтство Дмитрія Михайловича, до смерти отца, было цыганское, кочевое. Съ 9-ти мѣсячнаго возраста нашъ лѣсоводъ скиталялся за отцомъ и полкомъ въ кибиткѣ по югу Россіи—въ Елизаветградѣ, Умань, Чугуевъ, Сланянскъ.

Послѣ смерти Михаила Фаддеевича, Кравчинскіе жили въ Харьковѣ, гдѣ маленький Дмитрій съ сосѣдними мальчуганами игралъ въ бабки и почти всегда проигрывалъ. Съ однимъ изъ пріятелей—сыномъ огородника, Митѣкой, нашъ Дмитрій «ходилъ на охоту», на конную площадь бить голубей желѣзными палками, за что оба Митѣки чуть не были выдраны лавочниками. Эта охотничья страстишка осталась у Дмитрія Михайловича и до сихъ поръ.

Лѣтъ десяти Дмитрій Михайловичъ былъ отданъ матерью въ нѣмецкую школу при киркѣ. Въ этой Kirchenschule учили плохо и были въ ходу линейка и квадратикъ по рукамъ и по штанамъ. Царилъ русско-нѣмецкій жаргонъ:

«Er hat Figa съ масломъ gegessen!»—«Er hat по штанамъ bekommen» и т. д.

Въ Kirchenschule Дмитрій Михайловичъ пробылъ съ годомъ. Узнавъ, что тамъ воспитанниковъ дерутъ, Любовь Яковлевна явилась къ главному учителю, пастору Herr'у Krenkel'ю и просила его, въ случаѣ чего, Митю не драть, а лучше уволить.

Негр Krenkel очень любезно обѣщалъ исполнить эту просьбу и на прощаніе сказаъ Любви Яковлевицѣ:

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ *быть Вашъ сыномъ!* (т. е. быть Вашимъ сыномъ).

Изъ Kirchenschule, лѣтъ 11-ти, Дмитрій Михайловичъ, какъ сынъ военного врача, поступилъ въ полтавскую военную гимназію, потомъ кадетскій корпусъ, куда былъ принятъ въ первый классъ, но черезъ щѣсколько дній былъ переведенъ во второй.

Въ корпусѣ учили мало, а больше стерегли воспитанниковъ.

Царilo массовое бездѣлje и скуча, такъ какъ воспитатели на все смотрѣли сквозь пальцы и не интересовались успѣхами каждого ученика въ отдельности.

Вотъ тутъ-то, въ корпусѣ, нашъ будущій лѣсоводъ и увлекся чтенiemъ; читалъ и читалъ безъ конца и безъ системы, движимый лишь потребностью саморазвитія и самообразованія. Къ концу корпуснаго курса, все, что полагалось къ тому времени усвоить «развитому» молодому человѣку: Бокль, Драперъ, Смайлъ и пр.—было Дмитріемъ Михайловичемъ проштудировано. Тутъ же, еще въ корпусѣ, Дмитрій Михайловичъ самоучкой выучился читать *à livre ouvert* по-французски и по-нѣмецки.

Официально же по успѣхамъ былъ впереди другихъ лишь по русскому языку и по естествознанію; математическими же способностями, какъ и вообще склонностью къ абстракції, не обладалъ, и въ общемъшелъ лучшимъ изъ среднихъ. Корпусъ Дмитрій Михайловичъ окончилъ въ 1874 году.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Кравчинскій пытался поступить въ Землемѣрческій Институтъ, но принять не былъ, такъ какъ ему не хватило полныхъ 17-ти лѣтъ.

Держалъ и выдержалъ неважно экзаменъ въ Технологической Институтъ.

Такъ какъ математическая техника была не изъ любимыхъ предметовъ его, то, прослушавъ нѣсколько лекцій по математикѣ и побывавъ въ чертежной, Дмитрій Михайловичъ большую часть времени проводилъ въ Публичной библіотекѣ, где читалъ и читалъ, налагая больше па естественные науки; черезъ нѣсколько мѣсяціевъ Дмитрій Михайловичъ вышелъ изъ Технологического Института и держалъ экзаменъ на второй курсъ Землемѣрческаго.

Выдержалъ отлично и получилъ казеннную стипендию.

За годъ до того ушелъ изъ того же Института братъ его, Сергій Михайловичъ.

Въ 1876 году, еще студентомъ, Дмитрій Михайловичъ женился.

Жена его, почтенная Марія Алексѣевна, какъ превосходная хозяйка, много помогла Дмитрію Михайловичу въ научномъ его совершенствованіи, отвлекая отъ него все «въ мірѣ житейское», что и давало ему всегдашнюю возможность имѣть досугъ для чтенія и работы.

Въ Земледѣльческомъ Институтѣ Дмитрій Михайловичъ пробылъ три года и окончилъ его въ 1877 году; съ 22-го ноября того же года Кравчинскій былъ оставленъ при Институтѣ ассистентомъ профессора А. Ф. Рудзаго, по каѳедрѣ лѣсной таксации.

Какъ известно, покойный, «русскій Пфейль», А. Ф. Рудзкій, былъ очень талантливымъ, даровитымъ и знающимъ техникомъ, но не былъ ученымъ, въ полномъ значеніи этого слова. У Рудзаго не было научной основы, научного метода въ работахъ.

Поэтому, хотя фактически Дмитрій Михайловичъ и былъ ученикомъ Рудзаго, но не могъ быть его ученикомъ въ научномъ смыслѣ.

Какъ люди разныхъ научныхъ подготовокъ, но оба сильно даровитые, они, несомнѣнно, одинаково научно вліяли одинъ на другого и были въ одно время и учителями и учениками другъ друга.

Научно-конкретный складъ ума Кравчинскаго сразу былъ замѣченъ Ф. А. Баталинымъ, по первой же работе Дмитрія Михайловича: «Вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ», 1876 г.

Въ 1879 году Кравчинскій былъ командированъ на два года за границу.

Заграницей Дмитрій Михайловичъ пробылъ съ годъ; второго года не выдержалъ.

Смотрѣль на нѣмецкое лѣсное хозяйство и не понималъ, чemu тамъ русскому лѣсоводу «учиться».

Дайте намъ 80 рублей за кубическую сажень и въ 3000 десятинъ лѣсничество, и у насть хозяйство въ лѣсахъ будетъ не хуже нѣмецкаго.

Съ полгода просидѣль Дмитрій Михайловичъ въ Таандтской академіи и опредѣляль тамъ фосфорную кислоту, въ образикахъ лѣсныхъ почвъ, словно этого нельзѧ было сдѣлать и дома. Затѣмъ иѣсяца три пробылъ въ Чехіи, въ Вейсвассерѣ, гдѣ было лѣсное училище, вродѣ Лисинскаго, во главѣ съ австрійскимъ лѣсничимъ Fiscalii. Послѣ Вейсвассера, Дмитрій Михайловичъ направился въ Нейпітадтъ-Эберсальде, недалеко отъ Берлина, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ Даикельманомъ и прослушалъ нѣсколько его лекцій. Видѣль также не менѣе извѣстнаго профессора Альума — зоолога и клерикала. Сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ сосѣднюю лѣсную дачу вмѣстѣ со

студентами. Пробылъ тамъ съ мѣсяцемъ. Изъ Эберсвальде Дмитрій Михайловичъ перебрался въ Гиссенъ, къ профессору Гессу, оставившему, какъ ученый, посредственное впечатлѣніе. Оттуда Дмитрій Михайловичъ дѣлалъ экскурсіи въ окрестности (Schittenbergen Revier).

Въ Гиссенѣ Дмитрій Михайловичъ пробылъ съ мѣсяцемъ и перебрался въ сѣверную Баварію, въ Ашаффенбургъ, где было тогда лѣсное училище и преподавалъ Рудольфъ Веберъ, красивый и весьма симпатичный брюнетъ. Съ Веберомъ Дмитрій Михайловичъ экскурсировалъ въ гев. Hain, где Веберъ состоялъ лѣсничимъ, чтобы доказать «практиканту», что ходатайствовать въ лѣсу можетъ и наука.

Больше года сидѣть «въ измѣнѣхъ» Дмитрію Михайловичу надѣло. Изъ Ашаффенбурга онъ перебрался въ восточную Пруссію, въ казенное лѣсничество, недалеко отъ города Инстербурга. Пробылъ очень недолго и сѣѣжалъ домой, возвратясь въ первобытное состояніе, на должность ассистента въ Лѣсномъ Институтѣ.

Отчета о командировкѣ Дмитрій Михайловичъ не составлялъ, а Департаментъ и не требовалъ.

Въ послѣдующіе два года Дмитрій Михайловичъ писалъ свое «Лѣсовозращеніе».

Окончивъ «Лѣсовозращеніе», оставилъ Лѣсной Институтъ съ его зрягами и окунулся въ житейскую лѣсную практику, сдѣлавшись лѣсничимъ 2-го Шиповскаго лѣсничества, Воронежской губерніи.

Порядки захватилъ старинные; Управление, какъ вся Управленія, тогда, пынѣ и присно, и, кажется, навѣки вѣковъ,—одинаковыя. Познакомился на дѣлѣ съ тогдашними Департаментскими «ангелами», въ лицѣ вице-инспектора Пшеничникова, приѣзжавшаго провѣрить, иѣрно ли и на основаніи всѣхъ ли циркуляровъ «по Верхѣ», ведется въ Шиповскомъ лѣсу хозяйство и не упущенъ ли лѣсничемъ какой-нибудь циркуляръ или параграфъ инструкції.

Изъ 2-го Шиповскаго лѣсничества Дмитрій Михайловичъ перешелъ въ Лисино, на должность преподавателя лѣсоводства и ботаники, вместо отказавшагося отъ этого удовольствія В. А. Тихонова, предпочевшаго, на короткое время, впрочемъ, остататься лисинскимъ лѣсничимъ.

Преподавалъ Дмитрій Михайловичъ въ Лисинскомъ училищѣ три года и затѣмъ, съ закрытиемъ этого училища и открытиемъ низшихъ лѣсныхъ школъ, сталъ лѣсничимъ Лисинского лѣсничества и завѣдующимъ лѣсной школой, принимая участіе и въ научно-практическомъ руководствѣ, работами студентовъ Лѣсного Института.

Такъ, съ 1888 года Дмитрій Михайловичъ и ведеть въ Лисинской дачѣ, дѣйствительно образцовое, научное, добroe хzяйство. Въ 1896—1897 г.г., силами учениковъ школы и собственными, устроилъ Лисинскую учебную дачу, площадью 26,000 десятинъ, съ расходомъ отъ казны только 1.000 рублей, причемъ выдѣль участковъ быль инструментальный.

Цѣ это было первое въ Россїи лѣсоустройство, по типамъ, или вѣрнѣе, на основаніи типовъ насажденій.

Не будучи склоненъ по натурѣ своей и по складу ума, конкретно-научному, къ политической и вообще къ широкой общественной дѣятельности, всю свою эмоціальную сторону натуры Дмитрій Михайловичъ направилъ на интересы научного лѣсного хzяйства и первымъ изъ лѣсоводовъ примѣнилъ къ лѣсоводству чисто научный индуктивный методъ изслѣдованія и, въ предѣлахъ накопившихся къ нашему времени научно-опытныхъ данныхъ, далъ въ своеемъ курсѣ «Лѣсовозращеніе», первый строго научный сводъ ученія о лѣсозащитномъ растеніеводствѣ.

Эрудиція Дмитрія Михайловича громадна; качественность ея широка: по главная цѣнность,—это особый магнитъ въ головѣ, обладающій природной способностью вытягивать изъ кучи всемирныхъ лѣсоводственныхъ «опытовъ и наблюдений» все точное и научное обоснованное, систематизировать, обобщить и поставить на свое мѣсто въ ученіи о лѣсовозращенії.

Это не компиляція, не научное «маркособирательство» (*Briefmarkengelehrsamkeit*); это—строго научная систематизація точнаго значенія въ данной области.

Литературный языкъ Кравчинского скупъ и кратокъ, точенъ и ясенъ, какъ проста и ясна точная научная мысль.

Вся суть научно-практической и литературной дѣятельности Дмитрія Михайловича Кравчинского и заслуга его передъ русскимъ лѣсоводствомъ можетъ быть выражена въ немногихъ, но большихъ но содержанію словахъ:

1. Начиная съ первыхъ студенческихъ работъ и «Лѣсовозращенія» 1883 года, Дмитрій Михайловичъ неустанно учить русскихъ лѣсничихъ научно мыслить и научно наблюдать.

2. Научаетъ *обобщать* то, что лѣсной хозяинъ видѣть и описывать въ лѣсу, по совокупности признаковъ почвы и насажденій: отсюда его *хозяйственные типы насажденій* и хzяйства на

оснований этихъ типовъ; (для Лисинской дачи хозяйства: ель, сосна, боровая, сосна болотная, береза болотная, береза суходольная и пр.).

З. Установлениемъ въ Лисинской дачѣ правильства въ еловыхъ лѣсахъ, на примѣрѣ, свойственномъ природѣ даннаго лѣса, Кравчинскій указалъ намъ правильный путь къ установлению и веденію разумнаго «доброго» хозяйства на научной основѣ, какъ въ етихъ, такъ и въ другихъ лѣсахъ.

Подъ «научностью» Дмитрий Михайловичъ понимаетъ не теоретическую самодовѣрюющую научность, удовлетворяющую высшей аристократической потребности человѣка—*пыштливости*, а служеніе точной научной мыслю и научной логикой идеѣ доброй хозяйственности, имѣющей цѣлью доброе хозяйство, въ частныхъ случаяхъ, и добрую государственность—въ цѣломъ—(разумное и справедливое устройство жизни).

Научную теоретическую мысль, существующую быть удѣломъ немногихъ, онъ высоко чтить и цѣнить, служеніе же методомъ научной идеї доброй хозяйственности, обязательное для всѣхъ просвѣщенныхъ гражданъ, предполагается, и этому служенію посвятить всю свою жизнь.

Такъ отъ юныхъ до почтенныхъ лѣтъ, Дмитрий Михайловичъ служилъ трѣдпному Богу земли: идейности-интеллигентности-дѣловитости.

Этотъ Богъ съ нимъ и онъ въ немъ.

А потому и живеть онъ скромно и тихо одинокимъ отшельникомъ въ глухомъ Лисинѣ, отъ молодыхъ лѣтъ до старости; не видно его въ министерскихъ прихожихъ и въ департаментскихъ кабинетахъ, ибо самъ онъ директоръ научнаго лѣсоводства и профессоръ «доброго лѣсеного хозяйства». Аудиторія его—вся Русь лѣсная.

Русскій лѣсъ забралъ въ себя цѣлкомъ Дмитрия Кравчинскаго и въ глубинѣ русскаго лѣса нашелъ онъ свое счастье.

Кравчинскій остался простымъ лѣсничимъ. И отъ этого онъ еще видѣлъ, пбо онъ *Большой Лѣсничий!*

А намъ, маленькимъ лѣсничимъ, и жить, и работать отъ этого легче и охотнѣе.

Ибо мы знаемъ, что тамъ, въ Лисинѣ, всегда горитъ и свѣтитъ ровнымъ и тихимъ пламенемъ срѣтильникъ знанія и любви къ лѣсу; и отъ этого знанія и свѣтла, и тепло на лушѣ патей.

Скоро будетъ сорокъ лѣтъ славнаго служенія Дмитрия Михайловича Кравчинскаго русскому великому лѣсу въ самомъ же лѣсу и хояниломъ, и работникомъ въ одно и то же время.

И за это родной лѣсь шлетъ ему русское «спасибо» и по всему необъятному пространству своему, еще никѣмъ неизмѣренному, поговорить своему лѣсомыслителю и учителю учителей нашихъ:

— Дмитрію Кравчинскому—честь!

— Дмитрію Кравчинскому—слава!

— Дмитрію Кравчинскому на долгіе и долгіе годы здоровье и мопль.

C. Конардовъ, лѣсничій.

С. Баки.

Лекабрь 1915 г.